

Соппротивление как мышление

Приложение второе к «Напутствию дочери» · Год двадцать пятый, продолжение

Это эссе — не политический манифест. Это разговор о том, откуда берётся зло и куда оно уходит, когда встречает человека, который не перестал думать. О женщинах, которые думали. О тех, кто не решился. И о том, что сейчас происходит в стране, которая когда-то называла себя великой.

I. Ночь Рош ха-Шана

Первого октября 1943 года немецкая полиция вошла в Копенгаген с приказом депортировать около восьми тысяч датских евреев. Это была ночь еврейского Нового года, Рош ха-Шана. Немцы рассчитывали застать семьи дома — за праздничным столом.^[^1]

Они обнаружили пустые квартиры.^[^2]

Кто-то предупредил. Не один человек и не тайная организация — слух прошёл по городу как тепло, от соседа к соседу, от пастора к прихожанину, от врача к пациенту. В течение нескольких дней около семи тысяч пятисот евреев были спрятаны в домах датчан, переправлены на лодках через пролив и оказались в нейтральной Швеции. Выжили более девяноста пяти процентов еврейского населения страны.^{[3][1]}

Это был не подвиг героев. Это был выбор обычных людей.

Как это стало возможным — вопрос, который Арендт задаёт снова и снова. И ответ её прост до жути: датчане не разучились думать. Они не приняли язык оккупации. Они продолжали видеть в еврейском соседе — соседа, а не «инога», не угрозу, не объект депортации. Государственная машина разрушения натолкнулась на человеческое отношение к человеку — и дала сбой.^[^4]

Нацистские чиновники в Дании оказались «заражены» этим человеческим отказом и не смогли «преодолеть в себе человеческое отвращение к своей задаче». Те же самые функционеры, которые в других странах хладнокровно составляли списки, здесь — медлили, делали ошибки, закрывали глаза.^[^4]

Тоталитаризм никогда не бывает тотальным. Всегда остаётся зазор. И в этот зазор входит человек.

II. Женщины в этом зазоре

История привыкла рассказывать о войне языком мужского героизма. Сражения, генералы, партизанские отряды в лесах. Но сопротивление оккупации — особенно на начальном этапе, когда никаких отрядов ещё нет — почти полностью держалось на женщинах.^[^5]

Это не случайность. Это был структурный факт.

Нацисты недооценивали женщин. Они видели в них хранительниц домашнего очага, а не политических агентов. Это заблуждение стало оружием. Женщины перемещались по городу, не вызывая подозрений.

Они прятали в детских колясках оружие и листовки. Они организовывали явочные квартиры. Они кормили беглецов. Они шифровали сообщения и переправляли их через линии фронта.[^6]

Во Франции женщины, по свидетельствам современников, «начали Сопротивление» — в тот момент, когда мужчины ещё не успели сориентироваться. В Польше они работали в подпольных типографиях и помогали евреям скрываться в гетто. В Нидерландах прятали беглецов и подделывали документы. В самой Германии — да, в самой Германии — женщины устраивали протесты у стен тюрем, где держали их мужей, добиваясь освобождения.[7][8][^6]

Их сила была не в том, что они были храбрее мужчин. Их сила была в том, что они не переставали видеть конкретного человека перед собой. Не «врага народа». Не «расово неполноценного». Не абстракцию. Живого, голодного, напуганного человека — которому нужна еда, кров и молчание.

Это — и есть мышление в понимании Арендт. Способность поставить себя на место другого.

III. Те, кто не решился

Но давай будем честны. Потому что честность — это тоже форма сопротивления.

Большинство не решилось.

В оккупированной Европе большинство людей выбирали адаптацию. Не потому что они были монстрами. Не потому что они ненавидели евреев или поляков. Просто страх был реальным, а жизнь — конечной. У них были дети, родители, работа. Система умело предлагала им способ жить, «не вмешиваясь»: просто не видеть того, что происходит за углом. Просто не открывать дверь. Просто не отвечать на стук.

Это молчание тоже было выбором.[^4]

Арендт не оправдывает его — но и не осуждает так, как осуждают злодея. Она понимает механизм. Страх — это не трусость характера, это рациональная реакция на реальную угрозу. Опасно было помогать. Опасно было говорить. Опасно было даже знать.

Но тоталитаризм держится именно на этом молчании. Не на армии и не на тайной полиции — их никогда не хватило бы. Он держится на миллионах маленьких молчаний, из которых складывается оглушительная тишина согласия.[^4]

IV. Корни: куда уходит страх

Чтобы понять, почему одни народы сопротивляются, а другие молчат, нужно смотреть глубже, чем характер нынешнего лидера. Нужно смотреть в глубину истории.

Дания в 1943 году — это страна с устойчивой традицией гражданского общества, с протестантской культурой личной совести, с монархом, который в первые дни оккупации продолжал ездить верхом по улицам Копенгагена один, без охраны — как знак того, что он никуда не ушёл. Это страна, где еврей был просто соседом, а не «вопросом».[^2]

Россия — другая история.

Советская система сделала то, что не удавалось ни одной другой тирании в таком масштабе: она превратила сам институт доверия между людьми в инструмент уничтожения. В годы сталинских репрессий от конца 1920-х до начала 1950-х было арестовано около трёх миллионов восьмисот тысяч человек. Но это — только те, кого арестовали. Механизм работал иначе: система создавала стимулы доносить, и соседи, коллеги, родственники вовлекались в процесс репрессий напрямую.^[9]^[10]

Донос стал формой выживания. Молчание стало искусством. А доверие — роскошью, которую нельзя было себе позволить.

Дети тех, кого расстреляли, теряли право голоса, платили повышенные налоги, не могли поступить в университет. Сталинский террор стал не просто массовым убийством — он стал генетической травмой общества, которая передавалась через поколения не в генах, а в поведении: не говори лишнего, не выделяйся, не верь чужим, не верь своим.^[11]^[12]

Это — не психология трусости. Это — рациональная адаптация к системе, где правда была опасна, а незнание — спасало.

V. Язык, который убивает мысль

В 1937 году советские газеты писали о «врагах народа». В 2022 году российское государственное телевидение не называет войну войной. Слово «война» стало уголовно наказуемым — до пятнадцати лет заключения. Вместо него — «специальная военная операция».^[13]^[14] ^[15]

Арендт описывает этот механизм точно: нацистская система специально изобрела язык эвфемизмов — не для того, чтобы исполнители не понимали, что делают, а чтобы отучить их сравнивать происходящее с тем, что они называли бы убийством в иных обстоятельствах. «Переселение». «Окончательное решение». «Специальные меры».^[16]

Язык — это не просто слова. Язык — это структура мышления.

Когда у человека отнимают слово «война», у него отнимают и способ думать о войне. Российское государственное телевидение с февраля 2022 года не мобилизует граждан на войну — оно нормализует войну как банальный факт повседневности. Показывает, как жители оккупированных украинских территорий «спокойно» получают российские паспорта и пенсии. Создаёт картину, в которой всё идёт своим чередом, просто немного в другом месте.^[17]

Это — и есть «тирания логичности», о которой писала Арендт. Система не требует, чтобы человек верил. Она требует только, чтобы он не сопротивлялся.^[18]

Экспериментальное исследование, проведённое за год до вторжения, показало: даже умеренные нарративы, схожие с теми, что транслировало российское государственное телевидение, значительно повышали поддержку возможного военного вмешательства среди обычных россиян. Пропаганда работала не через убеждение, а через эмоцию и вытеснение альтернативной информации.^[19]^[20]

Среди тех, кто поддержал войну в 2022 году, непропорционально много людей с «традиционными» ценностями — потому что пропаганда позиционировала вторжение именно как защиту традиций от «западного разложения». Это не случайность. Это технология.^[21]

VI. Кто выходит на улицу

И всё же — выходят.

Двадцать четвёртого февраля 2022 года, в день начала полномасштабного вторжения, по всей России прошли антивоенные протесты. В тот же день была задержана Марина Литвинович — правозащитница, которая призвала людей «выйти и сказать, что мы против войны».[²²]

В сентябре 2022 года, когда была объявлена мобилизация, женщины составили пятьдесят один процент задержанных на протестах двадцать первого сентября и семьдесят один процент задержанных три дня спустя. Это произошло потому, что многие мужчины боялись: если их задержат — отправят на фронт. Женщины знали об этом. И вышли.[²³]

Девятнадцатилетняя Лиза стояла в толпе, когда полицейский в бронежилете схватил её за руку и затолкал в автобус. Она провела неделю под стражей.[²³]

— Когда началась война, я почувствовала, что моё будущее перестало существовать, — сказала она потом. [²³]

Две молодые женщины написали на стене в Санкт-Петербурге: «Мир Украине» — и были задержаны. У Ольги Мотыревой конфисковали розовый маркер, которым она написала «Нет войне» на скамейке в московском парке.[¹⁵]

У них забрали маркер. Но они писали.

VII. Что делает человека способным на это

Вопрос, который не даёт покоя: почему одни — выходят, а другие — нет? Почему одни пишут на стенах, а другие переключают канал?

Психологи и историки дают несколько ответов. Но самый честный звучит так: это не вопрос характера. Это вопрос среды.

Люди, выросшие в атмосфере, где говорить правду было нормой, — говорят правду под давлением чаще. Люди, выросшие в семьях, где «не высовывайся» было главным правилом выживания, — адаптируются к системе, потому что их этому учили с рождения. Сталинские репрессии создали целый народ, выученный молчать, — и это молчание передавалось детям не как решение, а как инстинкт.[⁸][¹²][⁹][¹¹]

Это не приговор. Это диагноз.

Потому что инстинкты можно осознать. И осознав — выбрать иначе.

Именно это сделал Антон Шмидт. Он не был героем по природе — он был «простым сержантом», «социально неловким человеком». Электриком, который вёл небольшой магазин радиотоваров. Когда он впервые увидел евреев, которых вели на расстрел в Вильнюсе, — он был потрясён. В первую неделю сентября 1941 года было убито около четырёх тысяч евреев. Он это видел из окна.[²⁴][²⁵]

И он решил помочь — «просто из уважения к человеческой жизни».[²⁵]

Он не строил теорий. Он не писал манифестов. Он прятал людей у себя в квартире. Возил их на военных грузовиках. Добывал документы. С ноября 1941 по январь 1942 года он спас от двухсот пятидесяти до трёхсот человек. В январе его арестовали. В апреле 1942 года расстреляли в Вильнюсе.^{[26][27]}

В Германии и Австрии его долго считали предателем. Первое официальное увековечение его памяти в Германии произошло только в 2000 году.^[^27]

Зло банально. Но и добро бывает банальным — в хорошем смысле слова. Просто человек, который не перестал видеть другого человека.

VIII. Глубина народа

Было бы удобно объяснить всё Путиным. Амбиции одного человека, захватившего власть, — это понятная история с понятным злодеем.

Но Арндт учит нас не останавливаться на этом объяснении.

Система не держится на одном человеке. Она держится на миллионах маленьких согласий. На журналистах, которые пишут то, что велено. На учителях, которые преподают то, что одобрено. На соседях, которые не открывают дверь. На родителях, которые говорят детям: «Не лезь в политику». На чиновниках, которые подписывают документы, не думая о том, что за ними стоит.

И на людях, которые в 2022 году смотрели государственное телевидение и видели там не войну — а «операцию по защите».

Это — не уникальная русская патология. Это — человеческая патология, которую в России питала особая почва: десятилетия советского опыта, когда думать своим умом было опасно, традиции имперского сознания, уходящие к XIX веку, и коллективная травма репрессий, которая не была проработана — потому что систему, которая её породила, никогда не судили.^[^28]

Германия прошла через Нюрнберг. Она судила своё прошлое публично, долго и мучительно. Этот процесс не завершён до сих пор — но он начат.

Россия — нет. Сталин умер в своей постели. «Враги народа» были реабилитированы тихо, без суда над теми, кто их уничтожал. Системе дали просто стать другой системой — и она взяла из прежней то, что было удобно.^[^13]

Это и есть глубина, в которую нужно смотреть. Не в лицо одного человека — а в структуру, которая делает возможным его существование.

IX. Что может одна девушка

Доченька.

Этот вопрос — не риторический. Я задаю его всерьёз. Потому что ты — одна девушка. И история — огромна. И системы — тяжелы. И соблазн сказать себе «от меня ничего не зависит» — очень велик.

Но посмотри на Марину, которую задержали через несколько часов после того, как она написала в социальных сетях «выйдем и скажем, что мы против». Посмотри на Лизу девятнадцати лет, которую

схватили за руку и затолкали в автобус, и которая потом сказала — не «я была права», а «я почувствовала, что моё будущее перестало существовать». Это честнее любого лозунга.^[22]^[23]

Посмотри на датских женщин, которые прятали чужих детей — не потому что это было безопасно. Это было смертельно опасно. Но они продолжали видеть перед собой человека.

Посмотри на Антона Шмидта, который умер весной, когда ему было сорок два года.

Ни один из них не «изменил историю» в тот момент, когда действовал. Они просто делали то, что не могли не делать. Они не перестали думать.

И вот что важно: сопротивление не всегда выглядит как протест на улице. Иногда оно выглядит как вопрос, заданный вслух, когда все молчат. Как отказ повторить чужую ложь. Как разговор с человеком, которого все вокруг называют врагом. Как книга, открытая вместо телевизора. Как мысль, додуманная до конца — вместо клише, которое заменяет мысль.

«Зло банально, ибо не имеет корней», — писала Арендт. Добро — требует корней. Корни — это думать. Каждый день. Даже когда неудобно. Особенно когда страшно.

X. Одна вещь остаётся

Арендт написала книгу, которую не простили. Она поставила неудобные вопросы людям, которые хотели только осудить злодея. Она сказала: злодей — не монстр, он похож на нас. И это — страшнее любого монстра.

Её не любили за это. Она не извинялась.

В 1963 году, отвечая на волну критики, она написала в частном письме несколько слов, которые стали важнее многих её академических работ:^[^29]

Одно лишь добро радикально.

Не зло. Зло поверхностно, бескорённо, бездумно. Зло — это пустота, которая распространяется, когда люди перестают думать.

Добро требует усилия. Добро требует, чтобы ты видела перед собой человека — даже когда система говорит тебе, что это не человек, а враг, угроза, чужой. Добро требует задать вопрос вслух, когда все молчат. И принять ответ, каким бы неудобным он ни оказался.

Дания 1943 года. Антон Шмидт. Лиза девятнадцати лет с цветами у посольства. Ольга с розовым маркером. Женщины, прятавшие чужих детей в тёмных подвалах оккупированных городов.

Они не изменили систему в тот момент. Но они не дали системе изменить себя.

Это — и есть сопротивление. Не всегда громкое. Не всегда видимое. Но всегда — требующее одного: не перестать думать.

Твоя мама

«В умах присутствующих расцвела мысль — ясная, неопровержимая: если бы подобное происходило чаще тогда, насколько всё могло бы быть иначе сегодня.»

— Ханна Арендт, о свидетельстве об Антоне Шмидте

References

1. [Rescue of the Danish Jews - Wikipedia](#)
2. [Rescue of the Danish Jews](#) - It was the evening of 1 October 1943, when German Police and members of the Danish SS descended on C...
3. [Citizens Rescue Danish Jews from Germans | History](#) - <p>The rescue of Danish Jews during World War II stands out as a significant example of collective r...
4. [Eichmann in Jerusalem - Wikipedia](#)
5. [The Role of Women in European Resistance Movements](#) - The German occupation of Europe opened up opportunities for women to join resistance activities. ....
6. [Women in the French Resistance - France in WWII](#) - During WWII, Josephine Baker, the world's richest and most glamorous entertainer, was an Allied spy ...
7. [Voices of Resilience: Stories of Women in Resistance](#) - Throughout the tumultuous years of World War II, women in occupied ... German to work in the camp in...
8. [\[PDF\] Women's Resistance Efforts in Nazi Germany 1939–45 - ANU Press](#) - German resistance to the Third Reich garners much attention in the scholarship of Nazi Germany. Yet ...
9. [\[PDF\] Stalin's terror - Long-term political effects of mass repression](#)
10. [Stalin's Terror and the Long-Term Political](#)
11. [Stalin's terror and the long-term political effects of mass repression](#)
12. [How to deal with the past? How collective and historical trauma ...](#) - Traumatic stress studies have recently addressed the issue of 'historical trauma' that well explain ...
13. [Сталинские репрессии: суть, масштабы и последствия](#) - Что такое сталинские репрессии, когда они были, кто стал жертвами, как проходили аресты, чистки и ра...
14. [Disinformation in the Russian invasion of Ukraine - Wikipedia](#)
15. [2,500 kms on Foot to Protest against the War. Anti-war Activities in Russia, 17-26 July 2022](#) - Hardly any anti-war protest takes place in Russia today without harassment or prosecution by the cou...
16. [kerigma: Ханна Арендт «Эйхман в Иерусалиме. Банальность зла»](#) - Книга описывает с одной стороны собственно процесс, но также и биографию (особенно служебную) Эйхман...
17. [Russian Propaganda from V to Z: Projecting Banal and Everyday Nationalism in Unsettled Times](#) - Abstract How do autocracies use nationalism to normalize and contain unsettled times? The full-scale...
18. [Банальность зла - Ханна Арендт - Level One](#) - Арендт попыталась определить природу морального зла на примере идеолога Холокоста — Эйхмана. В этой ...

19. Pre-war experimental evidence that Putin's propaganda elicited strong support for military invasion among Russians - In February 2022, Russia invaded Ukraine. The Putin regime used extensive and aggressive propaganda ...
20. Johansson-Nogués, Elisabeth; Simanschi, Elena. 2023. Fabricating a war? Russian
21. Who Follows the Autocrat? Evidence from a Panel Survey Spanning ...
22. Russia: Arbitrary Detentions of Anti-War Protesters - Police arbitrarily detained hundreds of peaceful protesters across Russia on February 24, 2022, at r...
23. Russian women pay the price in protests against Putin's war - By Lena Masri and Charlie Szymanski
24. Anton Schmidt - A righteous man who shone in Nazi Germany He served as a sergeant
25. Simple Electrician Saves 300 Jews - Often referred to as "Austria's Schindler," Anton Schmid was a Christian electrician who saved 300 J...
26. Anton Schmid - Wikipedia
27. Anton Schmid - Wikiwand - Anton Schmid was an Austrian Wehrmacht recruit who saved Jews during the Holocaust in Lithuania. A d...
28. The banality of Putin's propaganda: A dangerous déjà vu - US President Ronald Reagan branded the USSR as "the Evil Empire." Recently, President Putin retorted...
29. Ханна Арендт. «Одно лишь добро радикально» - Шестьдесят лет назад вышла в свет книга «Банальность зла». Ханна Арендт наблюдала за судом над бывши...